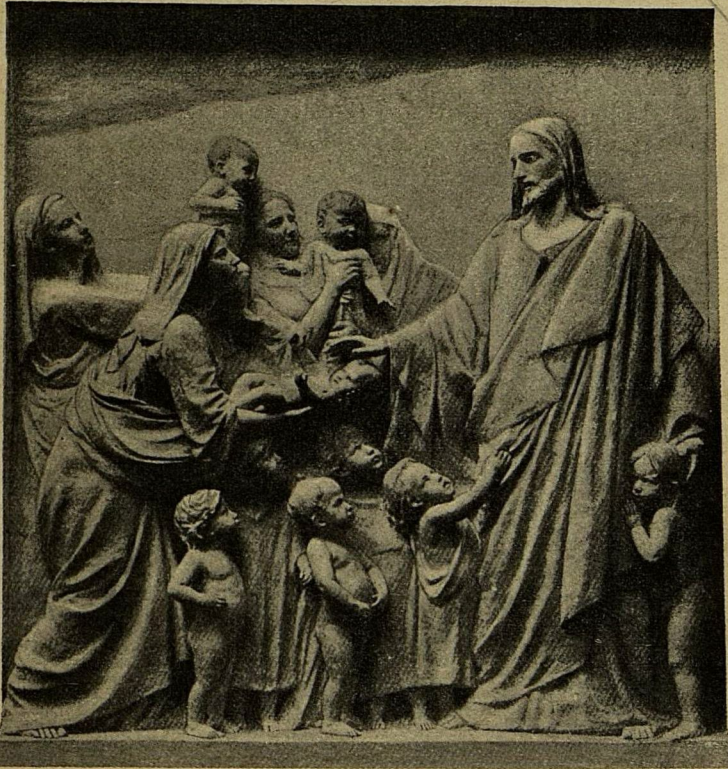

Свѣтлячокъ

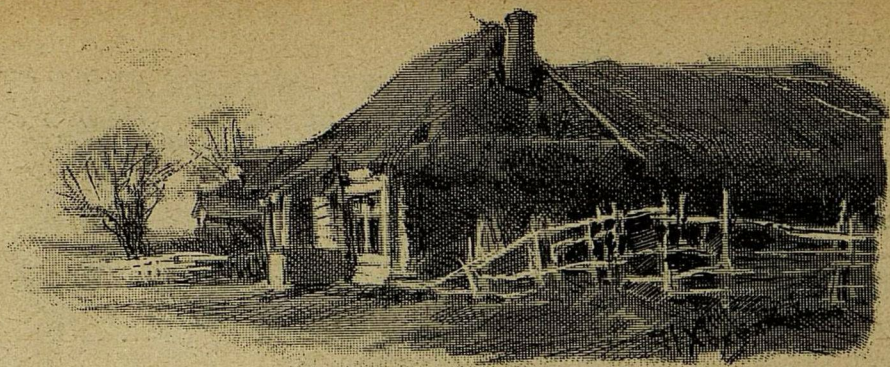
1905 г. ◦ ГОДЪ IV. ◦ № 8

Христось и дѣти.

НЕ отстраняйтесь отъ дѣтей,
Какъ дѣти, будьте незлобивы...
Тогда наступить для людей
Вѣкъ и покойный, и счастливый...

Кто можетъ, какъ они, прощать,
Любить другихъ всѣмъ сердцемъ чистымъ,—
Тотъ счастье многимъ можетъ дать,
Тотъ челоуѣкомъ будетъ истымъ...

Про горюха съ горюхомъ.

(РАЗСКАЗЪ).

ЖИЛЪ-БЫЛЪ мужикъ Кузьма. Умерла у него жена и дѣти, и остался онъ одинъ-одинешенекъ. Затосковаль Кузьма.

«Господи,— думаетъ,— наказаль Ты меня. Какъ мнѣ теперь жить, да и для чего?»

Пошелъ онъ въ Свѣтлую заутреню въ церковь и думаетъ: «Хорошо было въ прошлую Пасху: и жена, и дѣти со мной были. Я имъ нуженъ былъ, а теперь что?..»

Вотъ подходитъ къ оградѣ, — и видитъ, мальчуга на землѣ сидитъ и плачетъ.

Наклонился Кузьма къ нему, а это, оказывается,— дурачокъ Аюня изъ ихъ села.

— О чемъ,— спрашиваетъ Кузьма,— слезы льешь, Аюня?..

— Обидѣли, дяденька, ребятишки: свѣчку у меня отняли; какъ я теперь безъ свѣчки къ заутрени пойду!..

Покачалъ Кузьма головой, взялъ Аѳоню за руку; пошли они въ церковь; Кузьма и себѣ, и Аѳонѣ свѣчку купилъ. Всласть помолились и отправились домой.

Кузьма идетъ, а Аѳоня вѣцѣпился въ полушубокъ, не отстаеетъ отъ него, просить его:

— Возьми, дяденька, меня съ собой, а то ребята меня забидятъ.

Что станешь дѣлать? Взялъ его Кузьма, привелъ къ себѣ. Вотъ—одинъ былъ, а теперь и родственникъ нашелся у Кузьмы.

Разговѣлись они—чѣмъ Богъ послалъ, яйцомъ да кускомъ творожной пасхи, что Аѳонѣ въ церкви дали, и легъ Аѳоня спать.

И задумался Кузьма...

«Ахъ, горюнь, горюнь,—думаетъ,—а не иначе, какъ Христось его ко мнѣ послалъ. Любитъ Онъ горюновъ, знаетъ, что горюнь горюна пойметъ и защититъ, и отъ себя не прогонитъ!.. Ну, и пускай Аѳоня живетъ, все мнѣ легче будетъ»...

Растетъ Аѳоня, старѣетъ Кузьма, а живутъ они душа въ душу. Выровнялся Аѳоня, сталъ Кузьмѣ помогать землю пахать, — луч-

шаго помощника не найти Кузьмѣ. Хозяйство все въ порядкѣ, изба подправлена, скотина ходитъ сытая, хлѣба вволю хватаетъ.

Сошлись два горюна, у горюновъ-то руки къ работѣ чешутся. А гдѣ работа горитъ, — тамъ и все идетъ слава Богу...

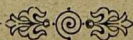
Сталъ умирать Кузьма, и говорить Аѳонѣ:
— Былъ я горюнь, послалъ мнѣ Богъ еще горюна, тебя, Аѳоня. Помру я, — такъ ты горюновъ не забывай. Горюны работать охочи, горюнами-работниками и жизнь стоять!..

Молитва въ Геѳсиманскомъ саду.

(Изъ стих. И. Никитина).

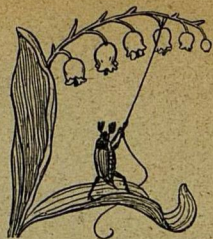
Темнѣть... Всюду тишина...
Вотъ ночи вспыхнули свѣтила,—
И ярко полная луна
Садъ Геѳсиманскій озарила...
Одинъ Учитель лишь не спалъ...
За слово истины высокой
Голгоѳскій крестъ предвидѣлъ Онъ
И, чувствомъ скорби возмущень,
Отцу молился одиноко:
— „Отець, Отець!.. Душа Моя
„Въ нѣмой тоскѣ изнемогаетъ;
„Картина будущаго дня
„Мнѣ сердце кровью обливаешь...

„Я знаю,—этотъ часъ придетъ,—
„На жертву отданный народу,
„Твой Сынъ Божественный умретъ,
„Умретъ за общую свободу...
„И тѣ, которымъ со креста
„Пошлю Я даръ благословенья,
„Съ улыбкой гордаго презрѣнья
„Поднимуть руки на Христа...
„Отець, Отець!.. Пусть чаша эта
„Минуетъ Сына Твоего...
„Но если Твоему народу
„Позоръ Мой славу принесетъ,
„Пускай за общую свободу
„Сынъ человѣческій умретъ!“...

„Христосъ въ Геесиманскомъ саду“.

ристоръ Воскресъ!

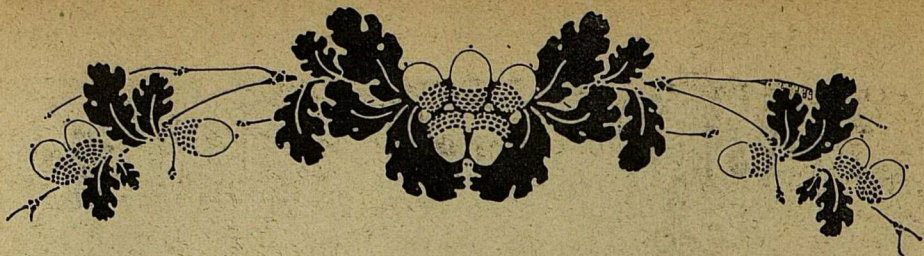
Святая ночь съ небесъ сошла.
Съ церковей гудять колокола
Могучей грудью мѣдную
И вѣсть несутъ побѣдную...
Гудять-поютъ восторженно,
Что правдой зло расторженно,
Гудять—„Христосъ Воскресъ!“..
И вторять имъ свободные
Потоки многоводные
И доль, и холмъ, и лѣсъ...

К.

ПЕТУНИНЪ

Свѣтлая заутреня.

На новыя квартиры.

ЖИТЬ бѣдной птицѣ въ роцѣ стало просто невозможно. Построишь гнѣздо на вершинѣ дерева, — либо ворона, либо коршунъ, либо бѣлка нападутъ на гнѣздо, яйца передавятъ, а если птенцы вывелись, — такъ передуютъ ихъ или унесутъ.

Устроишь гнѣздо на землѣ, подъ кустомъ, въ ложбинкѣ какой-нибудь, спрячешь такъ, что найти, кажется, невозможно, и опять-таки никакъ не удержишься. Бѣжитъ мимо собака, — живо найдетъ гнѣздо и разоритъ его; а потомъ лисицы, хорьки ихъ тоже выслѣживаютъ... Мало ли хищниковъ въ лѣсу? Каждый радъ напасть на беззащитную птичку, разоритъ домъ, отнять у нея все самое дорогое...

Сошлись какъ-то горлинка съ синичкой и стали другъ-другу жаловаться на свое житье горькое.

— Охъ, синичка! — сказала горлинка, — много я всякихъ бѣдъ натерпѣлась: изъ гнѣзда

выпала, когда нашу вѣтку двое мальчиковъ встряхнули, собакѣ чуть было въ пасть не угодила. Зато теперь устроилась я отлично!..

— А гдѣ у тебя гнѣздо? — спросила синичка.

Горлинка покачала головой и говорить:

— Не скажу, это тайна. Ужъ я такое мѣсто выбрала, что ни-

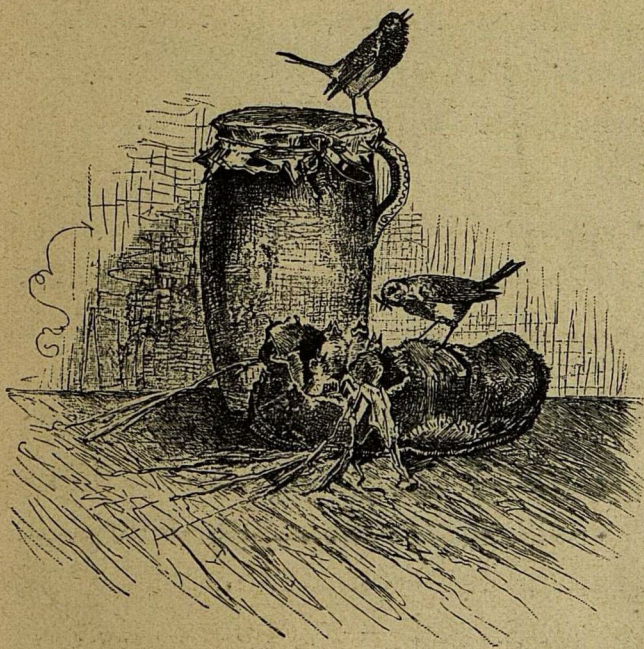
кто не догадается.

— Ну, какъ знаешь, — молвила синичка, — зато и я тебѣ не скажу, какъ я устроилась!..

Взяло любопытство горлинку, она и стала просить не таить отъ нея правды.

— Ну, хорошо, — сказала Синичка, — летимъ. Подлетѣли онѣ къ старой дачѣ, синичка юркнула въ слуховое окошко и зоветъ за собой горлинку.

Влетѣла та за ней на чердакъ и диву далась. И хитрая же была эта синичка!

Въ старой кожаной галошѣ на чердакѣ устроила она себѣ теплое, уютное гнѣздышко, а въ немъ ужъ четыре птенца жалобно-жалобно попискивали и вытягивали свои головки къ матери.

— Что, ловко?—спросила весело синичка, и глазки ея бойко и задорно блеснули.

— Да, хорошо!—замѣтила горлинка,—но я устроилась лучше. У меня гнѣздо все время слегка покачивается; вотъ выведутся птенцы, ихъ и будетъ убаюкивать...

— Какъ такъ?—удивилась синичка.

— А вотъ полетимъ, я тебѣ покажу!..

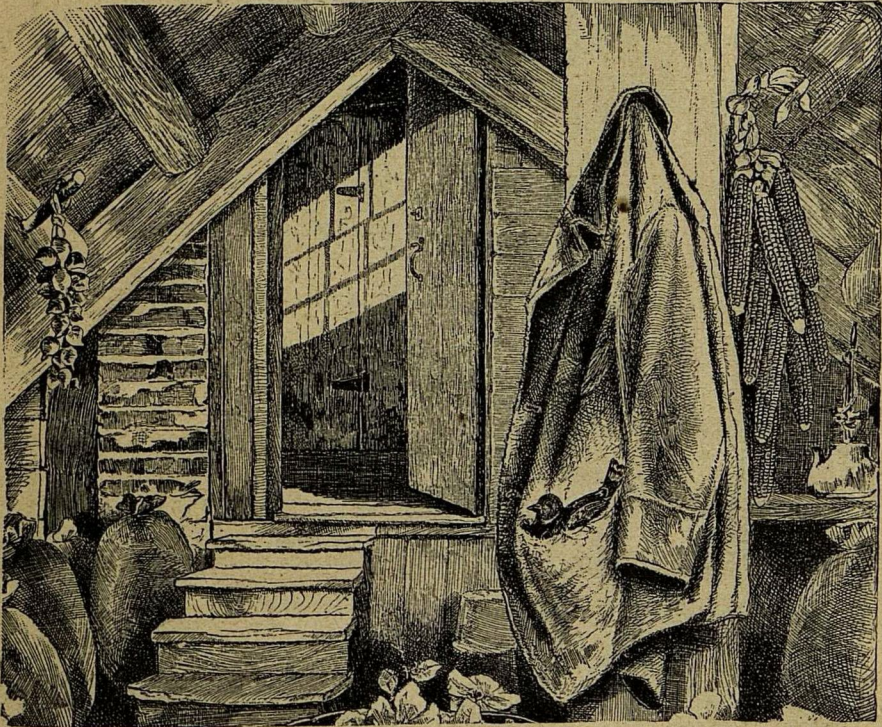
Взвились птички и полетѣли къ амбару, и теперь ужъ въ слуховое окно юркнула сначала горлинка, а за ней—синичка.

— Вотъ мое гнѣздо! — проворковала съ гордостью горлинка, — а птенцовъ высиживаетъ моя женка!

На чердакѣ, на столбѣ висѣла старая-старая куртка, а въ карманѣ ея горлинка свила гнѣздо и нанесла туда яичекъ. Отъ легкаго движенія горлилки куртка слабо качалась, какъ-будто кто-то невидимой рукой укачивалъ это гнѣздышко.

— Очень хорошо! — искренно созналась синичка, — только если эта куртка понадобится, такъ твоихъ дѣтей люди выкинутъ вонъ.

— Чуть не вышло такой бѣды! — сказала горлинка. — Приходить какъ-то сюда какой-то старикъ. А это, оказалось, — здѣшній садов-

никъ былъ. Хотѣлъ, было, онъ куртку взять, мы на него какъ бросимся. Онъ понялъ, въ чемъ дѣло, засмѣялся, покачалъ головой.

— Ну, хитрецы! — говоритъ и ушелъ.

А. Федоровъ-Давыдовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПЧЕЛЫ-СТРОИТЕЛИ.

В глухомъ лѣсу, на склонѣ высокой горы стоялъ нѣкогда большой монастырь Сень-Стефано. Разъ огромное полчище дикихъ племень напало на монастырь и разрушило его до основанія. Монахи въ ужасѣ разбѣжались по другимъ монастырямъ.

Остался одинъ только монахъ, старикъ Медардь. Онъ никого не боялся и остался жить тамъ одинъ-одинешенекъ, молясь Богу и прославляя Его.

А между тѣмъ враги опустошали окрестности, и разоренные, напуганные дикими воинами люди бѣжали спасаться въ лѣсахъ и горныхъ ущельяхъ.

А когда прослышали они, что въ развалинахъ монастыря Сень-Стефано живетъ святой человекъ, братъ Медардь, — они пришли къ нему и поселились за монастырскими стѣнами.

Братъ Медардъ самъ, своими руками, сложилъ небольшую часовню на мѣстѣ бывшаго монастыря; и здѣсь собирались несчастные бѣглецы на молитву каждый вечеръ. И братъ Медардъ благословлялъ ихъ и утѣшалъ ихъ кроткимъ словомъ.

Приближалась Пасха, но наканунѣ Свѣтлаго дня снова нагрянула на развалины монастыря цѣлая орда дикихъ племень, ограбила собравшихся здѣсь бѣглецовъ и разрушила часовню и наскоро сложенные домики...

Глубокая скорбь охватила стараго отшельника. Онъ упалъ на колѣни и горячо молился, съ глазами, полными слезъ.

— Боже мой!—шепталъ онъ.—За что лишилъ Ты насъ, Своихъ дѣтей, послѣдней отрады? За что не позволилъ Ты намъ свѣтлый день встрѣтить въ мирѣ, тишинѣ и въ молитвѣ?..

Онъ молился, а смущенная толпа бѣглецовъ безмолвно стояла около него, и въ сердцахъ ихъ не было уже надежды на спасеніе и радость...

— Богъ забылъ насъ!—въ отчаяніи шептали они,—куда намъ дѣваться? Гдѣ искать теперь защиты и помощи!..

И чудо совершилось неожиданное. Тихій, отдаленный шумъ слышался въ лѣсу; и шумъ этотъ все приближался и приближался...

И видятъ люди, видитъ братъ Медардъ, что летятъ на нихъ цѣлой тучей пчелиные рои, сверкая крылышками въ лучахъ заходящаго солнца.

Медленно падаютъ на землю золотистыя пчелы, и каждая пчела кладетъ крупинку воска на крупинку,—и быстро растетъ на глазахъ у всѣхъ высокая, чудная по красотѣ часовенка... Словно въ сказочномъ снѣ, поднимаются легкія, полувоздушныя стѣны, надъ ними легко изгибаются узорныя своды, и гордо вскидывается вверхъ стройная, полувоздушная колоколенка...

А когда сумракъ упалъ на землю,—вся башенка заискрилась, загорѣлась тысячами живыхъ голубоватыхъ огоньковъ... То горѣли на ней живые фонарики Ивановыхъ червячковъ, озаряя чудесную часовенку...

И упала на колѣни пораженная толпа несчастныхъ въ молитвенномъ восторгѣ, и братъ Медардъ воскликнулъ отъ всей души:

— Слава Господу!.. Не забываетъ Онъ на землѣ ни одного Своего живого созданія!..

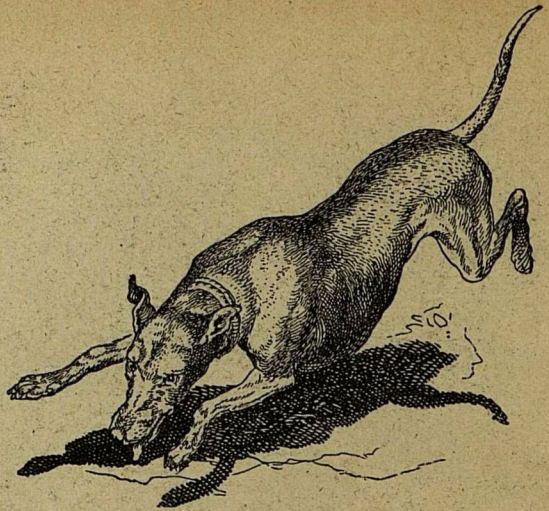

Вамъ надо познакомиться!..

Не всякому
слуху вѣрь!..

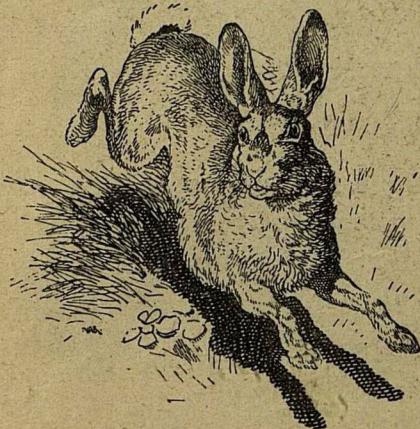
(БАСЕНКА).

БѢЖИТЬ заяцъ, сломя голову, удираетъ отъ собаки во всѣ лопатки, ни дохнуть не можетъ, ни глазомъ моргнуть, потому что некогда...

А собака мчится за нимъ тоже во всю прыть, только догнать его никакъ не можетъ.

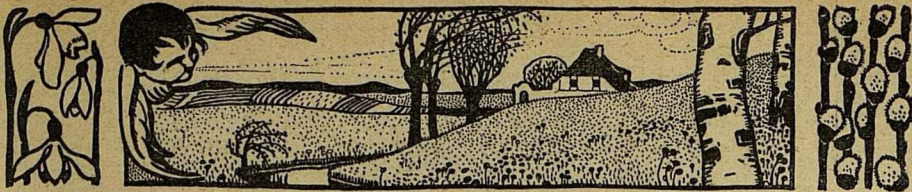
— Зайка! — лаетъ она, — погоди... Я тебѣ только словечко-другое на ушко сказать хочу!..

— Ладно! — кричитъ ей заяцъ, — знаю я рѣчи твои: «Дуракъ заяцъ, что плюшалъ, очертя голову-самъ на бѣду бѣжалъ!..»

И припустилъ пуще прежняго; такъ собака догнать его и не могла.

Ранней весной.

(Окончаніе. См. № 7).

IV.

Въ концѣ сада Женя увидалъ садовника Ѡаддея. Онъ былъ въ толстой, ватной кацавейкѣ, подпоясанной ремнемъ, и въ оленьей старой шапкѣ, закрывавшей даже затылокъ и уши и позволявшей видѣть только лицо Ѡаддея.

Въ рукахъ у Ѡаддея была лопата, которою онъ пробивалъ желобки во льду дорожекъ для стока воды.

Женя любилъ Ѡаддея за его добродушіе, за то, что онъ позволялъ иногда брать лопату, копать ею куртины, а больше всего за то, что Ѡаддей не разговаривалъ съ нимъ, какъ съ взрослымъ, звалъ его не Женя, а Евгеній, и какой бы вопросъ ни задалъ ему Женя, не затруднялся отвѣтомъ.

— Ты что дѣлаешь, Ѡаддей?—спросилъ Женя, подходя.

— Чай, самъ видишь!—отвѣчалъ тотъ.

— Копаешь лопатой ледъ, чтобы воду спустить.

— Ну, то-то! Слышишь, какъ пошла, какъ зажурчала?

— Слышу! Я думаю, тамъ водопадъ! Ты любишь водопадъ?

— Чего его любить? Онъ не человѣкъ, не животное.

Женя помолчалъ немного, потомъ спросилъ:

— Сегодня большой вѣтеръ?

— Большой!

— А вѣтеръ живой?

— Живой!—съ твердой увѣренностью отвѣчалъ Ѡаддей,—и вода живая, и дождь, и солнце! У Господа Бога все живое!

— А къ чему это вѣтеръ?

— Вѣтеръ! — усмѣхнулся Ѡаддей. — Э, братъ, вѣтеръ все! Съ разныхъ сторонъ вѣтеръ бываетъ! Задуетъ съ сѣвера, — все заморозить, заледенить; какъ ни старайся солнце, какъ ни грѣй, — ничего ему съ вѣтромъ не сдѣлать. Опять же въ самый сильный морозъ подуетъ вѣтеръ съ теплой стороны, — безъ солнца все растопить... И все, видишь ли ты, ко времени! Зимой вѣтеръ дуетъ съ холодной стороны, къ веснѣ ужъ онъ начинаетъ переходить на теплую сторону, лѣтомъ дуетъ съ теплой! Все опредѣлено по порядку, какъ слѣдуетъ быть... Ты бы хотѣлъ по солнцу погулять, а солнца нѣтъ, идетъ дождь, день, другой! И это такъ нужно, чтобы земля послѣ зимы отъ теплаго дождя оттаяла, набухла. Тогда люди сѣмена сѣютъ, и вырастаетъ хлѣбъ. А когда хлѣбъ зрѣетъ, тогда дождя не нужно, а нужно солнце, такъ и бываетъ. А тебѣ жарко, на улицу не хочешь выходить. Въ комнатѣ съ опущенными занавѣсками сидишь да жалуешься: ахъ, это солнце! Ну, и выходить, что ты глупенецъ, настоящаго дѣла не понимаешь!

V.

На этотъ разъ Женя ушелъ отъ Ѡаддея недовольнымъ и даже огорченнымъ. За что онъ назвалъ его глупымъ; неужели онъ настоящаго дѣла не понимаетъ? Конечно, ему пріятнѣе было бы, если бы была хорошая погода, безъ вѣтра, теплая, солнечная, но если это такъ нужно для хлѣба, то что же дѣлать... Ну, пускай будетъ вѣтеръ! Можно и въ комнатѣ посидѣть.

Няня сняла съ него въ передней полушубокъ и галони, Женя пришелъ въ столовую и прилегъ на диванчикъ.

Въ комнатѣ было натолено, и это было пріятно Женѣ. Онъ даже немного вздремнулъ, и вдругъ тонкая, пѣвучая нѣтка разбудила его. Женя сталъ прислушиваться и убѣдился, что это пѣль, остывая, самоваръ.

— Должно-быть, и самоваръ живой! — подумалъ Женя, — какъ это я не спросилъ Ѡаддея?

Хорошенькую пѣсенку пѣль остывавшій самоваръ!..

Онъ пѣль о томъ, какъ хорошо, тепло жить въ домѣ у мамы,

какъ мама любить своего мальчика Женю, какъ и бабушка любить его и потихоньку потчуетъ его вкуснымъ вареньемъ; потомъ онъ пѣлъ о томъ, какія хорошія игрушки есть у Жени: лошадь и шарабанъ, кукольный театръ, звѣринецъ.

Лучъ солнца сверкнулъ въ глаза Женѣ; онъ зажмурился, потомъ сталъ смотрѣть на клочокъ голубого неба, обозначившійся въ верхней части окна. И Женѣ показалось, что солнце, какъ живое, улыбается ему и зоветъ на улицу, обѣщая тепло. А тутъ вѣтеръ заворчалъ и завозился за окномъ, пригибая голыя верхушки деревьевъ.

— „Не позволю! — ворчалъ вѣтеръ, — свѣтить солнцу. Не время ему! Рано еще! Охъ, много у меня работы! Съ одного конца земли долженъ я на другой конецъ тучи перегонять! Не шуточное дѣло!.. Нагоню я тучъ, прольются онѣ дождями, и растопить тогда дождь снѣгъ, и обнажится земля... А затѣмъ она силу дастъ и корнямъ, и травамъ, и деревьямъ, и тѣ станутъ расти“ ...

— „Ну, дай посвѣтить немножко!“ — снова попросило солнце.

— „Оставь, не мѣшай!.. — отвѣчалъ вѣтеръ, — вотъ сейчасъ пойдетъ дождь, ну а тамъ ужъ видно будетъ!“

И дѣйствительно, все кругомъ потемнѣло, нахмурилось, крупный, частый дождь забарабанилъ въ окна столовой.

Дождь прошелъ, и солнце снова улыбнулось съ голубого неба. А улыбнулось солнце, и все кругомъ засмѣялось.

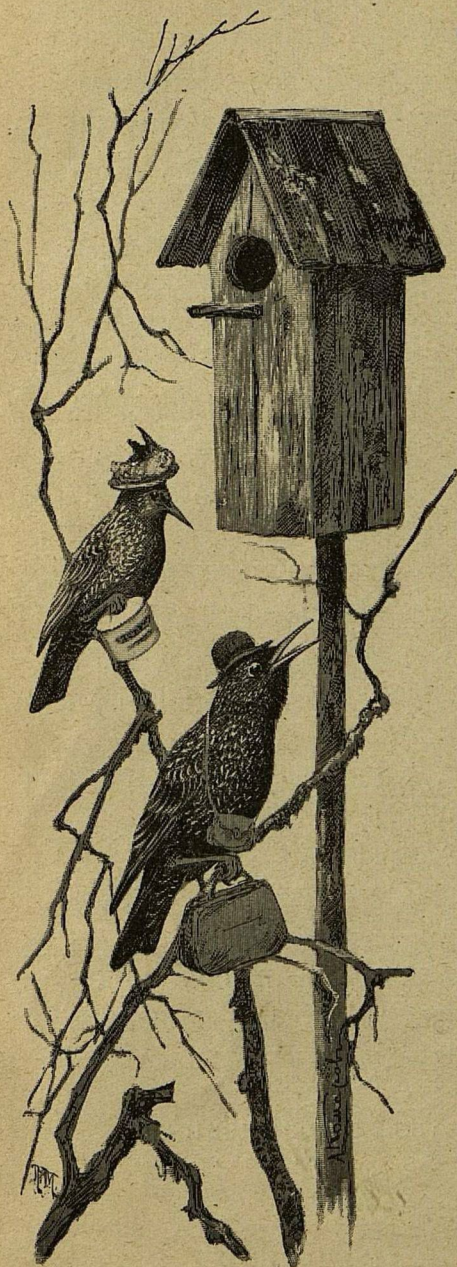
А потомъ тучи опять безъ всякаго милосердія заволокли его, и опять заворчалъ вѣтеръ и застучалъ въ окно сучьями деревьевъ, и снова припустилъ дождь...

А Женя, пригрѣтый тепломъ, убаюканный пѣніемъ самовара и глухою воркотней вѣтра, спалъ, голубчикъ, подложивъ подъ щеку руку и свѣсивъ съ дивана полную ножку въ ботинкѣ и черныхъ чулкахъ...

Каз. Баранцевичъ.

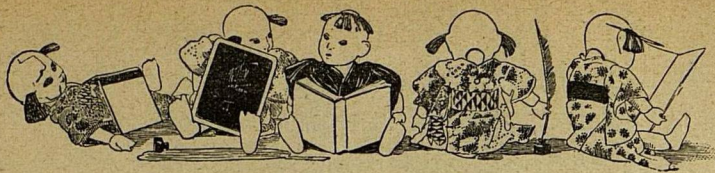

НАШИ ГОСТИ.

СТАРЫЙ скворчикъ съ чемоданомъ,
А съ картонкой мать-скворчиха
У скворечника присѣли,—
Пусть скворечникъ, все въ немъ тихо...
— „Ну, жена, — чирикнудь скворчикъ, —
„Дача — наша; лѣзь скорѣ!“
Тутъ скворчиха, натурально —
Въ дверку — юркъ, а мужъ — за нею...
Ястребъ, видя эту штуку,
Проворчалъ: — „Скажи на милость,
„На готовую квартиру
„Птица глупая явилась!..
„Люди строить имъ скворечникъ,
„Право, дерзкой птицѣ счастье, —
„А вотъ намъ отъ человѣка
„Нѣтъ подобнаго участя!..
— „Сударь! — молвить галка съ крыши, —
„Чай, скворчата истребляютъ
„Вредныхъ людямъ насѣкомыхъ,
„Оттого и принимаетъ
„Человѣкъ ихъ, какъ знакомыхъ
„Оттого имъ домъ готовить...
„Ястреба же, ваша милость,
„У людей цыплятокъ ловятъ...
„По дѣломъ да по заслугамъ
„Въ жизни цѣнять всѣхъ и судятъ;
„Такъ за что жъ для васъ-то, сударь,
„Человѣкъ стараться будетъ?“...
—

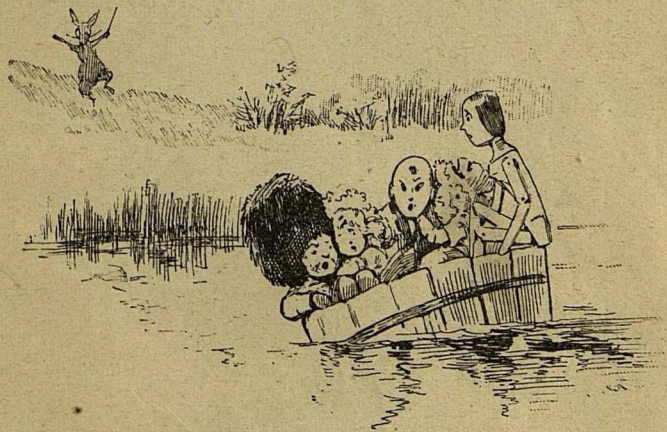
Робинзонъ пропаль!..

(Продолженіе. См. № 7).

ГЛАВА IX.

Ужасный шлепсъ!..

ВИНОВАТЫ во всемъ лягушки. Съ ними надо держать ухо востро. Вы, конечно, знаете, что лягушки ужасно любятъ купаться. Вся жизнь у лягушекъ — это сплошной купальный сезонъ. Ужъ онѣ моются, моются безъ конца, какъ-будто отъ этого нивѣсть какими красавицами стануть. Ну, да это — ихъ личное дѣло, дѣдовскіе обычаи, — это куда бы ни шло. Но неприятна сама манера лягушнать, — съ шумомъ шлепаться въ воду, особенно когда господа въ шайкѣ катаются. Такъ было и теперь. Хохотали, хохотали лягушки надъ куколками, какъ онѣ въ шайку сѣдлись, какъ отъ берега отчаливали, а потомъ и говорить:

— Братцы!.. Ай-да въ воду!.. Проводимъ господь съ честью. И пошли бултыхаться въ воду — шлепъ-шлепъ-шлепъ!..

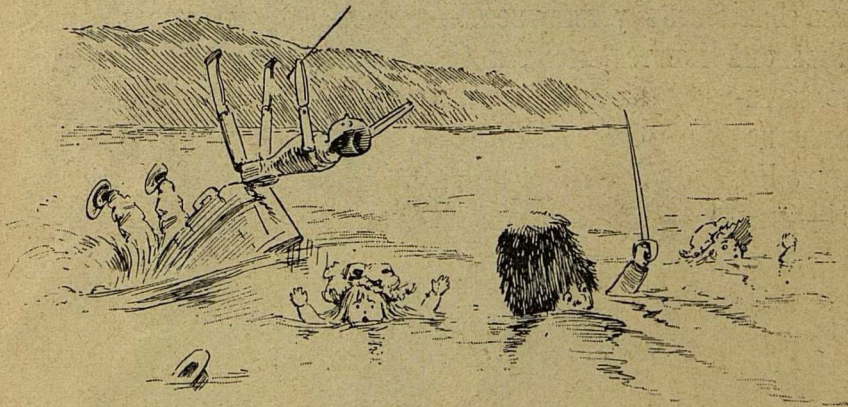
Натурально, поднялась качка; волны пошли по ручью, стала шайка качаться, просто смотрѣть тошно.

— Смирно!— кричалъ Бимъ-Бомъ, махая саблей,— по мѣстамъ!..

А лягушатамъ забавно! Балуются они, на шайку вскакиваютъ. Ну, скажите пожалуйста, есть ли въ нихъ капля мозгу? Господа плывутъ въ шайкѣ за дѣломъ, и въ тихую-то погоду сами, какъ осиновые листики дрожатъ, а эти сорванцы — не угодно ли, настоящую бурю устраиваютъ.

— Кто у васъ старшой?— гаркнулъ внѣ себя Бимъ-Бомъ. — А подать сюда самую толетую лягушку къ отвѣту!..

Ну, ужъ тутъ все пошло вверхъ ногами. Съ берега камнемъ шлепнулась огромная лягушка и сразу подняла такую качку, что шайка перевернулась верхъ дномъ...

Ахъ, какой это былъ ужасъ!.. Бимъ-Бомъ, кричалъ, что онъ тонетъ, что онъ вотъ-вотъ расклеится, что краска сойдетъ у него съ лица, и тогда онъ самъ не разберетъ, гдѣ у него ротъ, гдѣ глаза, гдѣ брови, и лицо у него перестанетъ быть выразительнымъ.

Но выручилъ всѣхъ Деревяша. Онъ былъ такой легкій, что плавалъ по водѣ, какъ дощечка.

— Садитесь на меня!— крикнулъ онъ.

И всѣ куколки всползли на него, прижались другъ къ дружкѣ и поплыли. А Деревяша плыль и размахивалъ руками, какъ

веслами. Да еще что, улыбается; чудачище!..

Рыбы-то диву дались, высунулись изъ воды и кричать:

— Ну, компанія! Потѣха просто!..

И заяцъ пришлый на берегу размахивалъ прутикомъ и кричалъ имъ вдогонку:

— Ахъ, негодные!.. Да они своего же брата утопятъ непременно!..

Чернуша.

(Продолженіе и окончаніе слѣдуютъ).

